

Социальный климат и история науки. Парадоксы марксистской теории и практики¹

Опубликовано в журнале "Эпистемология и философия науки", 2007, Т. XI, №1, с. 146 – 156.

В.А. Бажанов

Введение

Марксизм в XX веке являлся влиятельным интеллектуальным течением. Многие крупные мыслители как на Западе, так и на Востоке, в России испытали его воздействие. Отвернувшись позже от марксизма, и критикуя его положения, они, тем не менее, не оспаривали степень влиятельности этого направления. И как можно было оспаривать степень его влияния если в СССР, а после Второй мировой войны и в Центральной и Восточной Европе марксизм вплоть до конца 1980-х гг., он являлся государственной идеологией и насаждался силой государственного принуждения?

Несмотря на отсутствие единства в понимании марксизма его сторонники были уверены, что марксистская методология открывает совершенно новые и ранее невиданные горизонты в построении нового общества, которое было бы значительно более справедливым и экономически эффективным по сравнению с предшествующими социальными системами. Это общество в состоянии и должно породить новую науку, тогда как предшествующая наука неизбежно будет подвержена упадку и регрессии. Такие установки как бы до предела сокращали расстояние между наукой и обществом, способствуя формированию т.н. идеологизированной науки и накладывали заметный отпечаток на характер исследований в области гносеологии и истории науки.

В какой мере эта установка оказала влияние на характер марксистского истолкования анализа науки и ее истории?

О принципах марксистской философии

Лишь к началу 1930-х гг. среди марксистов сформировалось убеждение, что в рамках марксизма (который, как известно, «вылит из единого куска стали») существует и марксистско-ленинская философия. Отсутствие единства среди марксистов по поводу соотношения философии и науки, онтологии и гносеологии, формальной и диалектической логики и т.п. между тем не препятствовало единообразному истолкованию краеугольных принципов марксистской философии.

Стержневым принципом марксистской философии считается принцип практики. Согласно этому принципу практическая деятельность (под которой понимается материальная, чувственно-предметная, целеполагающая деятельность человека) имеет более фундаментальный онтологический статус по сравнению с существованием отдельных объектов-вещей.

Принципы материализма, диалектического рассмотрения, историзма и т.д. так или иначе были связаны с материалистическим переосмыслением философии Гегеля. Более того, те понятия и представления, которые были введены К. Марксом для анализа развития общества и его структуры – общественное бытие и общественное сознание, общественно-экономическая формация, базис и надстройка и т.п. – все эти понятия как бы наследовали дух гегелевской философии, в которой общее имеет явный приоритет над частным.

¹ Работа поддерживалась грантом РГНФ (07-03-00054а).

В истории социальной мысли явно или неявно соперничали два подхода. Один исходил из примата «целого» над «частным», а другой наоборот ставил на «частное» и обуславливал успех «целого» успехом развития его элементов («частного»). Первый подход можно условно назвать *социальным реализмом*, второй – *социальным номинализмом*.

Социальный реализм, представленный наиболее рельефно, например, именами Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса («человек – это совокупность всех общественных отношений») предполагал, что развитие общественного организма и его элементов (человека, отдельных социальных групп) определяется целым – абсолютной идеей (Гегель) или борьбой классов (Маркс). При этом диалектика преобразования «класса в себе» в «класс для себя» порождала на практике пренебрежение к человеческой жизни, насилие над личностью, оправдание трагедии отдельного человека светлым будущим человечества. Здесь можно говорить о социальном утопизме, который находит питательную почву в концептуальном арсенале социального реализма.

Социальный номинализм, представленный, прежде всего, либерализмом и его идейными предшественниками (Дж. Локк, Д. Юм, А. Смит, Дж. Ст. Милль) предполагал, что человек и его права и свободы приоритетны перед государством, что само государство является своего рода результатом общественного договора, и оно лишь обеспечивает своим гражданам более «комфортное» существование. Экономические последствия стратегии, основанной на идеях социального номинализма, привели к тому, что ряд государств достиг значительных успехов в обеспечении благосостояния людей, составив «золотой миллиард» человечества.

Применение принципа практики к сфере общественной жизни означало принятие точки зрения социального реализма. Этот принцип подразумевал безусловный приоритет экономических реалий над духовными компонентами общества, более того, детерминированность этих компонентов экономическими процессами, непосредственную обусловленность надстройки базисом (своего рода «экономический детерминизм»). Уже после смерти К. Маркса, в начале 1890-х гг. Ф. Энгельс пытался смягчить эту точку зрения, проводя мысль, что базис лишь *в конечном счете* определяет надстройку, которая относительно автономна в своем развитии (равно как и общественное сознание относительно автономно от общественного бытия). Однако у советских неопитов марксистского учения непосредственно после октябрьского переворота явно доминировали убеждения в духе примитивного экономизма. Это задавало и ракурс рассмотрения науки и ее истории.

Феномен идеологизированной науки

Под идеологизацией науки понимают процесс, оказавшийся характерным для всех тоталитарных обществ, который выражается в стремлении либо создать «новую» науку, соответствующую господствующей идеологии, либо переработать научные представления с позиций этой идеологии, когда последняя подавляет объективное содержание науки и беспристрастный поиск объективной истины уступает место селекции научных положений под углом зрения идеологии и прежде всего таких, которые обеспечивают ее «торжество».

Признание социальной природы науки означает, что жизнь общества и его потребности оказывают определенное влияние и на характер научных исследований, и на стиль научного мышления, и на форму представления тех или иных научных результатов, и на цели развития науки. Однако это признание вовсе не подвергает сомнению, в конечном счете, автономность развития науки, помещая источники ее прогресса «внутри» науки. В тоталитарных обществах автономность развития науки фактически теряется под давлением ценностей, которые в данном обществе выступают в качестве центральных:

классовых – в марксизме-ленинизме, религиозных – в фундаментальном исламе, расовых – при национал-социализме².

Недоверие носителей новых идеологий, стремящихся к революционному переустройству общества, свойственному в России не только марксистам, но и, например, анархистам М.А. Бакунину и П.А. Кропоткину, отказывавших «правительственной», буржуазной науке в объективности, их нетерпимость к другим политическим движениям, породило программу создания пролетарской науки, которая была должна обеспечить модернизацию народного хозяйства после совершения революции. «Рабочему классу нужна наука пролетарская, - писал А.А. Богданов. А это значит: наука, воспринятая, понятая и изложенная с *его* жизненных задач, наука, организующая *его* с классовой точки зрения, способная руководить *его* силами для борьбы, победы и осуществления социального идеала»³. Таким образом, новое общество, уверовав в могущество новой идеологии, оказывается нацеленным и на революцию в науке. Такого рода попытки редко являются успешными⁴. Обычно идеологический пресс способствует крайней политизации жизни научного сообщества, выдавливая из него ученых, противящихся устремлениями неофитов (формируя т.н. репрессивную науку) и оставляя на поверхности тех, кто строит свои исследования как прямое воплощение идеологических установок и обещает немедленный практический результат или научный прорыв⁵.

Утверждение авторитета одного «вождя» в политике и во всех областях науки, вера в коллективный разум партии, догматизация марксистской идеологии, которой придавался статус единственного научного мировоззрения, усиление общей политической реакции в случае СССР привели в 1930 – 40-х гг. к возникновению феномена идеологизированной науки, охвативший и биологию, и физику, и химию, и математику, и психологию, и едва ли не все отрасли научного знания. Научная аргументация уступала место политическим обвинениям (типа «меньшевистствующего идеализма») и навешиванию ярлыков, следствием чего нередко становились аресты и иные репрессии. В Германии преследовались ученые еврейского происхождения; после великой отечественной войны эстафета юдофобии была подхвачена в СССР и лишь смерть «отца народов» предотвратила широкомасштабные репрессии советских евреев.

Побочным результатом становления идеологизированной науки являлось стремление утвердить отечественные авторитеты во всех областях знания и, соответственно, борьба с «космополитизмом».

В конце 1950-х гг. идеологизация науки стала сходить на нет, но ее элементы проявляются в наделении высокими академическими званиями некоторых государственных деятелей.

Первые серьезные признаки идеологизации науки относятся к концу 1922 г., когда были распущены непокорные Ученые советы высших учебных заведений, а студенческие старосты были распущены еще летом 1919 г. Представительство в коллективах было

² Подробнее о феномене идеологизированной науки, который активно исследовался в 1990-х гг., см.: Ахундов М.Д., Баженов Л.Б. Философия и физика в СССР. М., 1989; специальный выпуск журнала Философские исследования (1993, №3,4), посвященного проблеме взаимоотношения науки и тоталитарной власти; Репрессированная наука. Т. 1. Л., 1991; Т.2. СПб., 1994; Сойфер В.А. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993; Сонин А.С. "Физический идеализм". История одной идеологической кампании. М., 1994; Грэхем Л. Очерки истории российской и советской науки. М., 1998; Mathias A.R.D. Logic and Terror // Physis, 1991. Vol. 28, p. 557-578; Vucinich A. Mathematics and Dialectics in the Soviet Union // Historia Mathematica, 1999. Vol. 26, p. 107-124; 2000. Vol. 28, p. 54-76; 2002. Vol.29, p. 13-39; Грэхем Л. Призрак казненного инженера. СПб., 2000; Бажанов В.А. Очерки социальной истории логики в России. Ульяновск, 2002.

³ Богданов А.А. Наука и рабочий класс // Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990. С. 366.

⁴ К таковым можно отнести, разве что культурно-историческую концепцию психической деятельности Л.С. Выготского и А.Р. Лурии или разработку релевантной логики И.Е. Орловым.

⁵ Феномены Т.Д. Лысенко и О.Б. Лепешинской.

предоставлено студенческим группам РКП(б) и «другим партиям, стоящим за Советскую власть».

Марксизм и история науки

Поистине *парадоксальная ситуация* в СССР и других т.н. социалистических странах сложилась с исследованиями по истории науки.

Явный социальный реализм, который типичен для марксистской философии, диктовал и совершенно определенную концепцию развития науки. Вслед за Марксом, который, как известно, в духе социального реализма провозглашал, что “человек есть совокупность всех общественных отношений”, а экономический базис определяет надстройку. Тем самым по существу растворял науку в социальных и экономических реалиях. Источники развития науки выделялись вне самой науки – в экономике и (в меньшей степени) в культуре как таковой. Не случайно еще Ф. Энгельс относительно даже такой теоретической сферы как философия утверждал, что философов толкала вперед не одна только сила чистого мышления, как они воображали, а главным образом мощное развитие естествознания и промышленности.

Именно вера в предопределенность развития науки в целом и многих научных открытий в частности экономическими условиями была характерна для историков науки в СССР в 1920-х гг. Именно эта вера была воплощена в совершенно конкретной концепции истории науки, получившей в России название экстернализм, согласно которой наука развивается в силу преимущественно социально-экономических причин, запросов со стороны общества (в западной традиции часто под экстернализмом понимают определенную концепцию сознания⁶; это понятие здесь по своему смыслу отлично от того, который имеет место в случае философии и истории науки)⁷.

Дата рождения экстернализма как направления в философии и истории науки точно зафиксирована в анналах истории.

30 июня - 4 июля 1931 г. в Лондоне состоялся II международный конгресс по истории науки. Советская делегация включала в себя видных советских ученых и философов. Возглавлял делегацию некогда высокопоставленный и известный коммунистический функционер, недавно одним голосом прошедший в Академию наук (по списку, представленному ЦК ВКП(б)) Н.И. Бухарин, который в тот период являлся директором Института истории науки и техники, но в разное время занимавший очень высокие государственные должности. В нее входили крупные ученые – биолог, академик Н.И. Вавилов, физики, академики А.Ф. Иоффе и В.Ф. Миткевич, профессора Б.М. Гессен (физик и философ), Б.М. Завадовский (физиолог), Э. Кольман (математик и философ), М.М. Рубинштейн (экономист).

Б.М. Гессен⁸ на конгрессе сделал доклад «Социально-экономические корни механики Ньютона», в котором на историко-научном материале обосновывал положение, согласно которому рождение механики Ньютона было предопределено запросами со стороны становящегося капитализма, нарождающейся буржуазии, нуждавшейся в значительно большей производительности труда, нежели та, которая была доступна для феодализма. Он начинает доклад со слов А. Уайтхеда о том, что в год смерти Галилея родился Ньютон и вопроса о том, какой вид могла бы иметь история человечества, если

⁶ См., например: Farkas K. What is Externalism? // Philosophical Studies, 2003, N.112; Rowlands M. Externalism: Pitting Mind and World Back Together Again. Chesham, 2003; Gibbons J. Externalism and Knowledge of the Attitudes // The Philosophical Quarterly, 2001, N 51.

⁷ Отдельная статья об экстернализме (как направлении в истории и философии науки) отсутствует в «Новой философской энциклопедии» (М., 2000-2001), равно как и во многих других солидных справочных изданиях, например, в Wikipedia. Чаще оно используется в философии науки в качестве подчиненного понятия, как, скажем, в статье Дж. Паппаса об интернализме и проблеме обоснования в фундаментальной, помещенной в Стенфордской энциклопедии философии (<http://plato.stanford.edu/entries/justep-intext>).

⁸ Краткая биография Б.М. Гессена представлена, например, в Wikipedia (http://en.wikipedia.org/wiki/Boris_Hessen).

бы эти два человека не появились на свет? Б.М. Гессен стремится обосновать точку зрения, что важны не столько личности (Галилея, Ньютона), сколько те социальные и экономические условия, которые подталкивали к открытиям, которыми мы обязаны конкретным мыслителям и ученым.

«Ньютон, - писал Гессен, - являлся типичным представителем поднимающейся буржуазии и в своем мировоззрении отражал характерные черты своего класса...»⁹. До этого момента Ньютон рассматривался как гений, творчество которого обусловлено лишь его выдающимися способностями, данными от природы.

Между тем Б.М. Гессен всячески подчеркивает, что буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы «свойства материальных тел и форму проявления сил природы», «являясь для своего времени наиболее прогрессивным классом она (буржуазия – В.Б.) требует наиболее прогрессивной науки»¹⁰. Более того, он указывал на «полное совпадение физической тематики эпохи, выросшей из потребностей экономики, с основным содержанием «Начал»...»¹¹. Развитие промышленного капитализма поставило перед техникой требование создания эффективного двигателя. В результате изобретается паровая машина, которая в свою очередь стимулирует исследования в области термодинамики. Все это оказало мощное воздействие на развитие производительных сил, что в свою очередь, приводило к прогрессу в области науки.

Идея доклада привлекла пристальное внимание некоторых участников конгресса. По существу речь шла об открытии нового направления в философии науки, своего рода принципиально новой парадигмы. Доклад был издан на английском языке (и с тех пор неоднократно переиздавался). Аналогичные мысли, вполне обычные для сторонников марксизма (практика является основой возникновения любой теории) в своем докладе «Теория и практика с точки зрения диалектического материализма» высказывал и Н.И. Бухарин. Н.И. Бухарин трепетно относился к науке и полагал, что именно благодаря усилиям советских ученых СССР станет «величайшим очагом научной жизни мира», что «наука в СССР выполняет благороднейшую задачу: она помогает делу высвобождения человечества от позора нашего времени», а наука «превращается в друга и товарища трудящегося человечества»¹².

Идея Б.М. Гессена об укорененности науки в социо-экономических структурах общества, где собственно и следует искать источники ее развития, легла в фундамент *экстернализма*, который стал активно развиваться на Западе (Дж. Бернал, Р. Мертон, Д. Кроутер, Дж. Нидам, Э. Цильзель и т.д.)¹³. Сама по себе идея изящная и красивая. Эта идея легла на Западе на удобренную почву. Кто-то из историков науки, кого она привлекала придерживался левых или даже марксистских воззрений, что было довольно распространено среди западной интеллигенции (например, Дж. Бернал, Д. Стройк, Дж. Холдейн), кто-то интенсивно разрабатывал социологию науки (скажем, Р. Мертон, Э. Цильзель), которая позже окажет влияние на формирование исторической школы в постпозитивизме.

⁹ Гессен Б.М.. Социально-экономические корни механики Ньютона (Доклады советских делегатов на II международном конгрессе по истории науки и техники. Лондон, июнь-июль 1931 г.). М., - Л., 1933. С.38.

¹⁰ Там же. С. 23, 24.

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Бухарин Н.И. Наука и СССР. М., 1928. С.6, 15, 16.

¹³ Нельзя не заметить, что фигура и идеи Б.М. Гессена очень популярны в зарубежной истории и философии науки. См., например: Graham L.R. The Socio-Political Roots of Boris Hessen // *Social Studies of Science*, 1985, vol.15, N 4; In Memoriam. Joseph Needham (1990 – 1995) // *Historia Mathematica*, 1996, vol. 24; Vucinich A. Mathematics and Dialectics in the Soviet Union: the Pre-Stalin Period // *Historia Mathematica*, 1999, vol. 27; Chilvers. C. A.J. The Dilemmas of Seditious Men: the Crowther-Hessen Correspondence in the 1930s // *British Journal for the History of Science*, 2003, vol.36, N 4; Chilvers C. The Historical Significance of Boris Hessen: the 1931 Congress, Externalism and Political Engagement//XXII International Congress of History of Science. Abstracts, Beijing, 2005; Winkler R.-L. Boris Hessen and the Origins of Sociology of Science in Soviet Union // *Ibid.*

Более того, лейтмотив экстернализма позволял значительно расширить горизонты историко-научного исследования и выйти за пределы жестких структур европоцентризма в истории науки. Так, Дж. Нидам, на которого идеи Б.М. Гессена оказали значительное влияние, смог в своем фундаментальном труде «Наука и цивилизация в Китае» не только предложить новое видение науки на примере китайской цивилизации, нетипичное для европейских ученых, но и показать, что развитие науки может быть вовсе не детерминировано развитием капитализма.

Наконец, некоторые мыслители, близкие по духу к структурализму или постструктурализму (как, например, М. Фуко) также предлагали свои концепции развития науки (своего рода «археологии знания») и не отрицали влияния марксизма.

В результате в рамках экстернализма на Западе сформировалось ряд течений – то, которое едва ли не напрямую развивает марксистский тезис об обусловленности духовной жизни экономическими реалиями, которое отталкивается от базисных положений социологии науки, которое посредством культурологического подхода преодолеть зауженное понимание науки, свойственное для европоцентризма и представить науку в широком социально-экономическом контексте.

Однако в СССР экстернализм, который, казалось бы, непосредственно и естественным образом вытекает из принципов марксизма и полностью отвечает не только его букве, но и духу, - экстернализм в СССР развития не получил. Все историко-научные исследования в СССР вплоть до самого начала – середины 1980-х гг., - периода, когда коммунистическая система и коммунистическая идеология стали быстро распадаться, проводились строго в интерналистском ключе. История науки в СССР была историей идей как бы в безвоздушном пространстве. Социально-экономические условия существования и функционирования науки если в историко-научных исследованиях и упоминались, то только как факторы, препятствующие ее развитию и укорененные в буржуазных порядках и общественных отношениях, тормозящих научный прогресс.

В известной мере можно сказать, что история науки в странах, где господствовала марксистская идеология, развивалась, так сказать, в позитивистском духе, игнорирующем социально-экономические условия

В чем кроится причина такого – аномального – положения вещей? Почему ни ученые-историки науки, которые безусловно разделяли догмы марксистского мировоззрения, ни государство, которое пристально следило за верноподданическими настроениями своих граждан и тщательным образом старалось блюсти все идеологические каноны марксизма, не было озабочено тем, что в области истории науки вовсе не наблюдалось торжество духа марксизма?

История науки под идеологическим прессом

Марксизм естественным образом породил экстернализм как направление в философии и истории науки, но он же и возвел препятствие на пути его, экстернализма, развития в СССР и других социалистических странах. Это было обусловлено тем социально-политическим климатом, который существовал в этих государствах и который породил и феномен идеологизированной науки.

Б.М. Гессену на конгрессе по истории науки в Лондоне удалось рельефно выразить позицию в области истории науки, которая предполагалась марксистскими положениями. К такой же позиции, как уже говорилось, был близок и Н.И. Бухарин, виднейший деятель коммунистического движения, ближайший соратник В.И. Ленина, которого последний характеризовал как наиболее способного и перспективного теоретика партии и, кроме того, как «любимца партии».

Б.М. Гессен родился в 1893 г. и в школе учился в одном классе с И.Е. Таммом, впоследствии известным советским физиком. В 1913 - 1914 гг. Гессен учился на физико-математическом факультете Эдинбургского университета, а также на физико-математическом факультете Петроградского университета. Являлся членом

коммунистической партии с 1919 г. В 1928 г. закончил Институт красной профессуры (отделение теоретического естествознания). В 1930 г. назначен директором научно-исследовательского Института физики при МГУ. Был первым деканом физического факультета МГУ. С 1934 г. заместитель директора Физического института АН СССР. В 1935 г. стал членом-корреспондентом АН СССР. В августе 1936 г. арестован и в декабре того же самого года расстрелян как «враг народа».

Б.М. Гессен предпринимал некоторые попытки защитить теорию относительности и квантовую механику от нападков «механицистов». Он старался на примере Ньютона доказать, что в одном человеке могут совмещаться казалось бы несовместимые взгляды (как и Ньютона физический гений соседствовал с глубокими религиозными интересами). Надо отделять научных творцов теории относительности и квантовой механики от их ненаучных взглядов. Последние не обесценивают их научные достижения. Однако эти попытки какого-либо успеха не имели. Более того, Гессен сам во многом придерживался уже устаревших взглядов. Так, в первом издании Большой советской энциклопедии (1931 г.) вышла его статья «Эфир», в которой он уверенно утверждает существование последнего. Ведущие советские молодые физики (Ландау, Гамов, Бронштейн и т.д.) послали ему издевательскую по форме и содержанию телеграмму (в ней, в частности, говорилось и о том, что от этого автора с нетерпением ждут статьи о флогистоне и теплороде)¹⁴.

В октябре 1930 г. Б.М. Гессена на совещании, посвященном положению в советской философии, сурово критиковали как «метафизика» (т.е. противника диалектики) и «идеалиста». Такого рода обвинения являлись, пожалуй, самыми тяжелыми с точки зрения господствующей марксистской идеологии.

Имеются достаточно веские основания полагать, что свой лондонский доклад Гессен специально подготовил в духе крайне ортодоксального (можно сказать, вульгарного) марксизма, рассматривая его как ответ своим критикам и доказательство своей марксистской благонадежности... Более того, Э. Кольман, который также входил в состав советской делегации, посланной на конгресс в Лондоне, был включен в делегацию с тем, чтобы следить за поведением Б.М. Гессена и определить степень его благонадежности¹⁵. Как известно, Э. Кольман играл в области физики и (особенно) математики роль, аналогичную роли Т. Лысенко в биологии. Под конец жизни ему удалось эмигрировать на Запад, он покаяться, хотя этот акт никак не поправит исковерканные судьбы людей, который обвинял в разных политических грехах в 1920-1930 гг. Кольман и не воскресит тех, кто был по его доносу осужден и сослан в ГУЛАГ.

Н.И. Бухарин, несмотря на открытые обвинения в его адрес в 1930-х гг., не пожелал остаться на Западе, куда часто выезжал, был арестован, в марте 1938 г. судим как участник «антисоветского правотроцкистского блока» и после вынесения приговора немедленно расстрелян. Общее собрание АН СССР в мае его (уже мертвого) исключило из состава Президиума АН СССР и лишило звания академика.

В 1936 г., после ареста главный прокурор СССР назвал Институт истории науки и техники, который возглавлял Н.И. Бухарин (на самом деле эту должность можно рассматривать как ссылку, поскольку она была несоразмерна тем государственным должностям, занимавшимся им ранее) «центром антисоветского заговора». Поэтому дело не ограничилось расстрелом Н.И. Бухарина, но и упразднением Института. Из 8 членов советской делегации, присутствовавшей в Лондоне и которую возглавлял Н.И. Бухарин, остались живыми только 2.

Институт был воссоздан после Второй мировой войны: борьба с космополитизмом предполагала поиск собственных (отечественных) научных авторитетов. Тем не менее, стойкая память о недавних жестоких репрессиях и господство идеологизированной науки, важным компонентом которой после войны являлось обоснование положения о том, что

¹⁴ См.: Сонин А.С. «Физический идеализм». История одной идеологической кампании. М., 1994. С. 38-39.

¹⁵ Graham, L. R. Science in Russia and the Soviet Union. A Short History. Cambridge, 1993. P. 149.

отечественная наука имеет первенство во всех областях, заставляли строить историко-научные исследования как интерналистские по своей сути, как историю идей вне и помимо учета каких-либо социально-экономических факторов. Узкоспециальные работы, посвященные рождению и развитию идей в отдельных областях науки, в которых замечательно вскрывались и описывались «технические» детали – вот что отличало советский стиль работ по истории науки. Конечно, едва ли не в каждой историко-научной работе можно было найти дежурные отсылки к положению, что именно практика является реальным источником любой теории (в том числе той, которая рассматривается конкретно). Однако эти отсылки были настолько банальны и бессодержательны, что ни о каком изучении настоящего социально-экономических предпосылок теории не могло идти и речи. Эти отсылки между тем являлись средством, благодаря которому авторы чувствовали себя в безопасности на случай обвинения в игнорировании практической стороны процесса создания теории.

Более того, многие советские ученые, особенно те, которые работали в вузах, сознательно старались ничего не писать и крайне осторожно читали лекции, дабы не давать лишний повод коллегам и активной студенческой молодежи обвинить себя в тех или иных «грехах».

Сейчас известно, что после Второй мировой войны в области физики готовилась кампания, подобная той, которая имела целью разгром отечественной генетики и которую возглавлял «народный академик» Т. Лысенко. Жанр этой кампании требовал публичного осуждения лиц, которые встали на путь «ревизионизма» в науке (в данном случае в физике). Развертыванию такого рода кампании помешала не столько реализация атомного проекта, сколько опасения Л. Берии, который возглавлял этот проект, что при большом стечении народу какие-нибудь физики выболтают важные атомные секреты. Это, пожалуй, единственный положительный аспект атмосферы шпиономании, свойственной для СССР.

Должно было пройти 10 лет после смерти Сталина для того, чтобы феномен идеологизированной науки в СССР и Восточной Европе стал сходить на нет и 30 лет для того, чтобы появились работы в области философии и истории науки, выполненные в духе экстернализма. Правда, уже не вполне в марксистском духе. Изменился социально-политический климат – изменились интересы и подходы философов и историков науки. Экстерналистские идеи по-прежнему актуальны, а их отзвуки слышатся в сравнительно недавно возникших и уже вошедших в философскую моду социальной эпистемологии¹⁶, а также социального конструктивизма¹⁷.

¹⁶ См.: Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки, 2006, № 1.

¹⁷ См.: http://en.wikipedia.org/wiki/social_constructionism; http://social_constructionism.mindbit.com; <http://constructivism.search.ipupdater.com>, а также: Graham L. Russia, Science, and Social Constructivism. // Demokratizatsia, 2005, N 4.

Сведения об авторе:

БАЖАНОВ ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ,

Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор,
член-корр. Academie Internationale de Philosophie des Sciences (www.lesacademies.org),
зав. кафедрой философии Ульяновского государственного университета

Почт. адрес: 432063 Ульяновск - 63, А.Я. 1602

Эл. почта: ybazhanov@yandex.ru (ИЛИ) bazhan@sv.uven.ru

<http://staff.ulsu.ru/bazhanov/>

<http://philosophy.ulsu.ru>

факс:(8422)41-23-40

тел.:(8422)32-93-16, 32-07-80 (сл.)

(8422)329779 (дом.)